

Читайте детективы Евгении Михайловой, в
которых истина и любовь побеждают
всегда, несмотря на самые тяжелые
испытания!



Сломанные крылья
Закат цвета индиго
Спасите наши души
Две причины жить
Апостолы судьбы
Последнее прости
Исповедь на краю
Танцовщица в луче смерти
Длиннее века, короче дня
Вечное сердце
Как свежи были розы в аду
Совсем как живая
Испить чашу до дна
Солнце в крови
Бегущая по огням
Темные тени нехорошей квартиры
Во мраке сверкающих звезд
Город сожженных кораблей
Женщина с глазами Мадонны
Мое условие судьбе
Разрушительная красота
Плата за капельку счастья
Встреча в час волка
Роль любимой женщины
Верность как спасение
Ночная радуга
Изменить одиночеству

В настоящей трагедии гибнет не
герой — гибнет хор.

Иосиф Бродский

Ад — это другие.

Сартр

Повествование от первого лица —
это просто прием. Никакого отно-
шения к автору героиня романа не
имеет. Все события и персонажи —
вымышленные.

Евгения Михайлова

Часть 1

А ПОТОМ БЫЛО УБИЙСТВО

РАЗ — СТУПЕНЬКА

Я держала оборону две недели. Этот тип звонил, писал в личные сообщения на фейсбуке и, наконец, начал караулить меня у подъезда. Мой номер телефона есть в информации на фейсбуке, узнать его не составляло труда. Но когда он позвонил в очередной раз и сказал, что стоит возле моего дома, я разозлилась всерьез. Потребовала, чтобы он ответил, как узнал адрес. Он сослался на мою приятельницу-журналистку, которая просто забыла меня предупредить, по его словам. Он обманул Лену: посетовал, что мы договорились о встрече, а телефон не отвечает. Она знает, что я часто не отвечаю на звонки. Речь шла о работе, и он Лену убедил.

Илья Пастухов, плохой писатель и активный коллекционер всевозможных проектов, постоянно обивает пороги редакций, торчит на телевидении, считает себя лучшим

Евгения Михайлова

другом режиссеров, актеров и политиков. Все привыкли к его предложениям и просьбам. Выступить, сняться, дать интервью. Он хитрый, вкрадчивый, липко-настойчивый и льстивый. Многим нравится иметь с ним дело. От меня Илье требовался произвольный текст на тему, которую я узнаю только в студии, при записи. Он хотел, чтобы я приняла участие в его новом проекте.

— Хорошо, я сейчас спущусь к вам, — сдалась я. — Но времени у меня мало, поэтому, пожалуйста, в двух словах, что за передача, для кого. Я приму решение — да или нет. Во втором случае попрошу больше меня не отвлекать.

Я вышла к нему. Пастухов стоял у машины. Раньше я его видела только на фотографиях в Интернете. Крупные черты лица, шапка белоснежных волос, глаза в волнах морщинок — пронизательные и ласковые. Он казался добрым волшебником. Так было на портретах. А передо мной стоял крупный, рыхлый, откровенно заурядный человек, в облике которого было что-то очень жалкое. Он волновался, протянутая рука оказалась мокрой, говорил сбивчиво и довольно косноязычно. Но то, что он предложил... Это оказалось забавно. Пастухов при поддержке спонсоров открыл интернет-передачу. Ее героям называют тему прямо в кадре. И они должны без подготовки говорить о том, что сразу придет на ум.

НОЧНАЯ РАДУГА

Я согласилась. Иногда бывает интересно, что у тебя могут спросить люди, которые тебе так же мало нужны, как и ты им.

— Сколько стоит ваше время? — спросил Пастухов. — Или вы согласитесь сделать нам подарок?

Тут-то стало ясно, что самое жалкое в нем. Это был скупец. Клинический, диагностический, маниакальный. Я таких узнаю за версту. И все встало на свои места. Вот почему отталкивающая навязчивость вместо делового предложения. Спонсоры выделяют Илье деньги на передачи, а он пытается вести переговоры таким образом, чтобы человек согласился по принципу «легче дать, чем объяснить, какой он нудный». Я улыбнулась.

— Конечно, подарок. Скоро Новый год. Будем считать, что я — Снегурочка.

— Я в восторге от вас! — обрадовался Пастухов. — Вы — прекрасная женщина и гений.

— Стоп! — прервала я. — Мне не нужна и лесть в качестве гонорара. Я согласилась, потому что мне интересно.

Пастухов заехал за мной на следующий день, привез в маленькую, хорошо оборудованную студию, познакомил с администратором Вандой — полной женщиной с острым серым взглядом — и с оператором Кириллом, немногословным парнем, который казался бы красивым, если бы не его мрачность, похожая на нелюбимость.

Евгения Михайлова

Я села в кресло. Кирилл сказал: «Мотор». И Пастухов произнес вопрос:

— Что делает женщину королевой?

Почему-то я услышала этот вопрос до того, как он был произнесен. Что-то такое банальное, не слишком логичное и должен был придумать он, примитивный автор этого нелепого проекта. А ответить мне захотелось. Я просто знала ответ. Я заговорила:

— Что делает женщину королевой... Мне легко ответить на этот вопрос. Наличие королевства делает женщину королевой. Своего королевства, к которому ты прошла столько километров, столько лет, часов, минут, самых главных секунд...

Мое королевство — это башня моей обнаженной сути. Моей любви, страсти, тоски и памяти. Того, чем нельзя делиться ни с кем.

Однажды в детстве я увидела лицо и поняла: это королева. Я увидела лицо этой женщины на портрете «Неизвестная» Крамского. Именно так выглядит женщина, которой подчинено все: ее внешняя и внутренняя гармония, ее мысли. Эта женщина способна подать себя миру. Она умеет пронести через него, как через лобное место, свою тайну, свое горе, свою боль. Она держит дистанцию, сотканную из тонкой кисеи слез под приспущенными ресницами. Это было важное открытие для женской судьбы — то, что я поняла ребенком, глядя на «Неизвестную».

НОЧНАЯ РАДУГА

Пройдет много-много лет. Глаза устанут от ослепительных мгновений и темных провалов. Память станет тяжелой, как облака перед грозой. А способность плакать умрет вместе с детской непосредственностью и доверчивостью, которым нечего скрывать. Дети не знают о том, что женщине всегда есть что скрывать.

Меня спасла однажды моя крепость, сотканная из кисеи слез, которых никто не увидел. Я спрятала все под ресницами. А вокруг было столько любопытных, злорадных, завистливых, недоброжелательных взглядов. Они разбились об эту непроницаемую кисею.

На мне первый раз в жизни был черный кружевной траурный платок. Я в первый раз подарила цветы мужчине. Положила букет в гроб туда, где раньше билось сердце только для меня. И уехала в свое королевство.

После записи мы вчетвером сидели за столом в небольшой кухонной зоне студии, пили пиво, ели пиццу и орешки. Я отмахивалась от многословной приторной лести Пастухова, как от стаи мух. Его речь стала почти бессвязной после первых же глотков. Я старалась не смотреть на противный мокрый рот, отвела глаза и наткнулась на твердый взгляд оператора Кирилла, то ли недоверчивый, то ли насмешливый. Он сидел напротив и смотрел прямо, откровенно, не пытаясь это скрыть.

Евгения Михайлова

— Что-то не так? — спросила я.

— Просто вопрос, — сказал Кирилл. — Один вопрос. «Замок обнаженной сути» — это о чем?

— Обо всем. Есть я, и есть другие, — попыталась объяснить я. — Как писал Сартр: «Ад — это другие». А там, где я, — нет больше ничего. Ни лжи, ни громких звуков, ни взглядов, ни теней, ни одежды.

— Я так и понял, — кивнул он.

Я поднялась. Пастухов вызвался меня проводить, но во дворе нас догнал Кирилл.

— Не советую с ним ехать, — шепнул он. — Илья не умеет пить. Даже пиво. Если доедете без проблем, потом придется от него отбиваться.

— Я как раз и думаю о том, как убежать прямо сейчас, — призналась я.

— Да просто! — Кирилл взял меня за руку и быстро повел к своей машине. На Пастухова я даже не посмотрела.

Кирилл ехал медленно. Мы почти не разговаривали. Он остановился у моего подъезда, я не спешила выходить, мы несколько минут сидели рядом, продолжая молчать. Это было странное чувство: быть рядом с чужим человеком и не воспринимать его присутствие и молчание как помеху собственной свободе. И не испытывать желания избавиться.

НОЧНАЯ РАДУГА

— Я не напрашиваюсь, — произнес Кирилл. — Но мне хотелось бы проводить вас до двери квартиры. Мало ли что...

— Конечно, — согласилась я.

Мы поднимались на лифте на мой пятнадцатый этаж все так же молча. Казалось, Кириллу лень произносить слова, а мне в такой же степени не хотелось к нему пробиваться. Но я думала... Я с беспокойством чувствовала, что меня не отталкивает чужой запах, не раздражает чужое дыхание. Редкий случай. Точнее, почти невозможный случай.

Лифт остановился, я направилась к своей двери, достала ключ и собиралась сказать «спасибо, пока». Но Кирилл не дал мне оглянуться. Он прижал меня к двери, я почувствовала затылком его горячее дыхание: то ли слово, то ли стон. Быстро отпустил. А я... Как это случилось?.. Я посмотрела не на него, а на его руку рядом с моей рукой на двери, медленно взяла ее и поцеловала горячую, жесткую, шершавую ладонь.

Так мы попали в наш общий эпизод. И моей задачей было удержать его границы. Я хорошо чувствую ритм событий. И верила, что сумею поднять за очередным эпизодом свою стальную крепость из стекла.

Той ночью я с мучительной досадой сожалела все о том же. Почему меня не отрезвляет ни чужое слово, ни резкое прикосновение, ни такой настойчивый, бесстыдный, неутомимый взгляд. Почему пьянит даже запах горячего муж-

Евгения Михайлова

ского пота, почему мне так хорошо в объятиях мужчины, о существовании которого с утра я и не знала. Ведь я так избирательна и брезглива...

Закрывая утром за Кириллом дверь, я была уверена: эпизод закончен. И Кирилл, отличный оператор, наверняка чувствует это так же хорошо, как и я. Нет ничего более жалкого, чем эпизод, растянутый на сериал. А он был хорош, этот наш маленький шедевр. Таким был мой гонорар в дурацком проекте Пастухова. Два совершенно непохожих человека вдруг узнали друг друга в толпе. Два недобрых, неконтактных, недоверчивых, одиноких человека... Мы растаяли в мгновенной, слепящей, сжигающей страсти. В ту ночь я была его единственной женщиной на свете, он был моим первым и последним возлюбленным. До утра. До вероятности разочарования, пресыщения и скуки. До несвободы.

Когда я осталась одна, прошлась по комнатам, проверила, плотно ли задернуты шторы. В гостиной подошла к большому портрету. Эта красавица с лицом, которое известно многим, — моя мама. Хорошая актриса, слишком красивая для того, чтобы считаться по-настоящему талантливой.

— Помнишь, мама, как ты говорила, когда мы поднимались на наш пятый этаж: «Раз — ступенька, два — ступенька...» А сегодня меня привела в рай всего одна ступенька. Так бывает, — тихо сказала я.

НОЧНАЯ РАДУГА

С мамой мне легче говорить так, глядя на портрет. В жизни мы не очень долго способны выносить друг друга. Слишком печальные события мы пережили вместе, слишком болезненные воспоминания пробуждает каждая наша встреча. И люди мы разные.

ДВА — СТУПЕНЬКА

На вторую запись к Илье Пастухову я приехала сама, на такси. Не совсем добровольно: Пастухов проедал мне мозг несколько дней рассказами о том, как наш первый выпуск обрадовал спонсоров и понравился зрителям. «Я смотрел и плакал», — восторженно кричал он, вызывая у меня приступ отвращения. На новую передачу я согласилась, но категорически отказалась, чтобы Пастухов за мной заехал.

Вновь студия. Вновь толстая Ванда. И невозмутимый Кирилл, может, еще более мрачный, чем в первый раз. Я опустила в кресло и мысленно спросила у себя: о чем Пастухов спросит сейчас? И ответила: о счастье.

— Вы могли бы сразу вспомнить мгновение счастья? — спросил Пастухов.

— Да. Мне нужно всего лишь впустить в память луч света. Он рассеет тьму несчастий. Он приведет туда, куда ты сама, как скупой рыцарь, заглядываешь редко. Там богатство...

Счастье, конечно, было. Как у всех, как у многих.